

Глава 3

Экономический рост, доходы и социальная дифференциация

Глобальный вызов, который стоит перед всем современным миром, — формирование общества, основанного на знаниях, и интенсивное развитие инновационных технологий, в том числе и социальных. Роль этих факторов возрастает во всем мире, и современная Россия не является исключением. Вместе с тем на российский путь социального развития, безусловно, оказывает влияние специфика трансформационного этапа и, прежде всего, процессы доходной и социальной дифференциации, проявившиеся в ходе экономических реформ. Уровень и динамика доходов населения являются базовыми социально-экономическими параметрами, по отношению к которым большинство других являются производными.

Обвальное падение ВВП в 1990-х гг. привело к драматичным изменениям в уровне и динамике реальных доходов населения, которые наряду с другими институциональными и экономическими реформами обусловили быстрое и резкое социальное расслоение общества. Главным приоритетом и в социально-экономической политике, и в научных исследованиях на долгие годы стала проблема масштабов российской бедности. Несмотря на длительные дискуссии вокруг этого вопроса, оценки масштабов и динамики бедности до сих пор варьируются в значительном интервале — от 7 до 70%. Не вдаваясь в причины столь впечатляющего разрыва, отметим, что несмотря на безусловную важность методологии измерения бедности, более или менее точная оценка ее масштабов — это лишь часть проблемы. Не менее, а с позиций мер политического воздействия более важным представляется вопрос о ее причинах и происхождении. Для их выявления необходим иной подход, исходными посылками которого выступают следующие положения:

1. Потенциал анализа бедности как дефицита лишь *доходов или, в лучшем случае, материальных ресурсов* населе-

ния (а именно таковы традиции определения бедности) *аргіогі* ограничен. В реальности социально-экономическое положение населения (индивидуума, семьи, домохозяйства) описывается целой цепочкой факторов, среди которых доходы и материальные активы занимают важное, но не единственное место. Например, доходы, потребление и общее социальное положение населения зависят от уровня образования и конкурентоспособности на рынке труда, которая в России, где наемный труд составляет 99% от общего числа занятых¹, продолжает оставаться главным источником экономического благосостояния населения.

2. Несмотря на существование значительной зоны бедности, в современной России существуют и другие социальные группы, которые продемонстрировали относительно успешные технологии выживания и стратегии развития в сложных социально-экономических условиях трансформационного периода. Кто эти люди? Какими ресурсами они располагают и как ими распоряжаются? Что позволяет им сохранить и упрочить свои социально-экономические позиции? Носителями каких социально-экономических стратегий они являются? Какие из этих стратегий относятся к механизмам выживания, а какие — к механизмам развития? Чем они отличаются от других социальных групп? И, наоборот, чем прочие группы, в том числе, бедные и малообеспеченные отличаются от успешных? Наконец, насколько образование и знание являются гарантиями и механизмами социального развития как для отдельной социальной группы (слоя, класса), так и для каждого отдельного человека?

Эскиз российской социальной пирамиды

Для ответа на заданные выше вопросы рассмотрим социальную пирамиду российского общества, проанализиру-

Уровень и динамика доходов населения являются базовыми социально-экономическими параметрами, по отношению к которым большинство других являются производными.

В реальности социально-экономическое положение населения (индивидуума, семьи, домохозяйства) описывается целой цепочкой факторов, среди которых доходы и материальные активы занимают важное, но не единственное место.

ем доходы отдельных групп и их потенциал с позиций перехода к обществу, основанному на знаниях.

На рубеже 1999—2000 гг., на этапе смены двух экономических стадий и перехода от экономического падения к этапу экономического роста² в общих чертах сложилась российская социальная структура (Рисунок 3.1).

Низшие слои составляют немногим более 10% от числа российских домохозяйств. С точки зрения материального положения эти семьи находятся за чертой бедности. Взрослые члены этих семей не обладают высшим образованием, тем самым, мало конкурентоспособны на рынке труда или же обречены на занятость на низкооплачиваемых и непрестижных рабочих местах. Наконец, они не испытывают иллюзий по поводу своего социального положения, относя себя к низшим слоям общества.

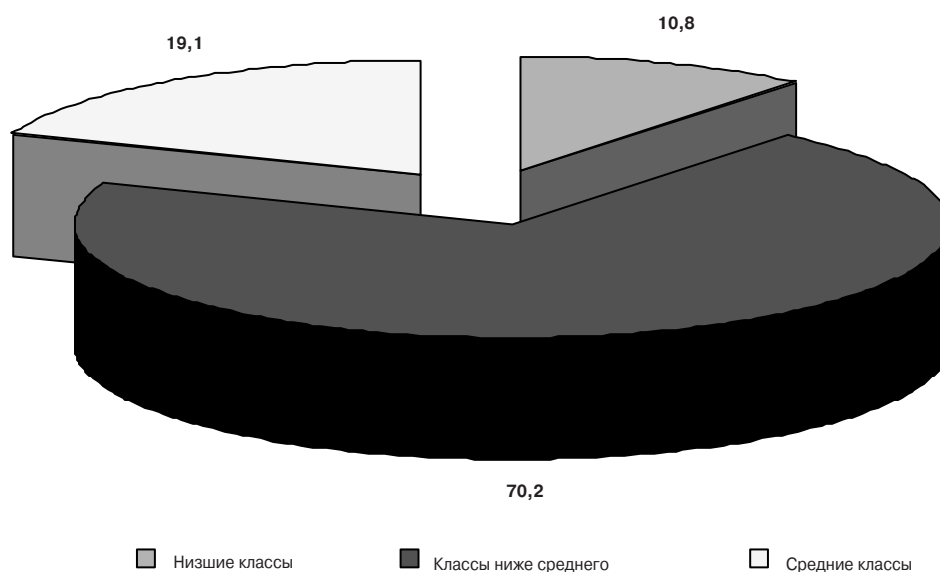
Средние классы составляют около 20% (более детальный анализ этого показателя будет дан ниже). Много это или мало — зависит от угла зрения. В любом случае эти результаты опровергают тезис «В России средних классов нет», как, впрочем, и антитезис «Подавляющее большинство россиян — средний класс». 20-процентная доля средних классов, хотя и уступает ана-

логичным оценкам размеров средних классов в развитых рыночных экономиках (60—70%), все же, на наш взгляд, достаточно весома, чтобы не замечать факт существования средних классов в современной России.

В отношении же прочих социальных групп диагноз неоднозначен. Очевидно только то, что между средними классами и низшими слоями находится группа, занимающая промежуточное социальное положение, которую можно описать формулой «уже не низшие, еще не средние»³. И их в России подавляющее большинство — 70% от общего числа российских домохозяйств. Эта часть населения обладает некоторыми социальными и экономическими ресурсами и, следовательно, шансами на перемещение в средний класс.

Строго говоря, в этой структуре недостает высшего класса, существование и огромное влияние которого на общество и его социально-экономическую структуру невозможно отрицать. (Опубликованный журналом «Форбс» список 100 самых богатых представителей этого класса в России вызвал оживленную дискуссию в обществе и средствах массовой информации страны). Между тем, сколько-нибудь научно обоснованно определить количественную долю элит

Рисунок 3.1. Укрупненные социальные страты в современной России

в социальной структуре не представляется возможным: как известно, богатые домохозяйства практически не представлены в обследованиях Госкомстата и не попадают в случайную поселенческую выборку при использовании количественных социологических методов. В любом случае их доля настолько мала, что к массовым социальным группам высший класс отнести никак нельзя.

Динамика доходов населения на этапе экономического роста: политические альтернативы

Является ли экономический рост гарантией роста доходов населения? Утвердительный ответ на этот вопрос обычно воспринимается как само собой разумеющееся, и результаты последних лет, казалось бы, дают дополнительный аргумент в его пользу. Действительно, экономические и социальные итоги 2000—2003 гг. могли бы внушать оптимизм (Таблица 3.1). На фоне относительно высоких темпов экономического роста динамика реальных доходов населения оказалась еще более внушительной и,

например, по предварительным итогам 2003 г. составила 114,5% по сравнению с предшествующим годом. В этом отношении последние четыре года — пример сочетания двух подходов: с одной стороны, положительная экономическая динамика привела к оживлению в ряде экономических секторов и, как следствие, к росту оплаты труда и доходов занятых в них работников; с другой стороны, рост доходов государственного бюджета, расширение налоговой базы, улучшение налоговой дисциплины позволили правительству осуществить ряд социальных мероприятий, а именно — индексацию минимального размера пенсий и минимальной оплаты труда в бюджетной сфере экономики.

Между тем, положительный тренд доходных индикаторов в 2000—2003 гг. нельзя трактовать однозначно.

Во-первых, как показывают расчеты (Таблица 3.1, Рисунок 3.2), в 2002 г. произошло лишь восстановление докризисного (1998 г.) уровня реальных доходов населения. В этом смысле реальная положительная динамика доходов имела место лишь в течение 2003 г.

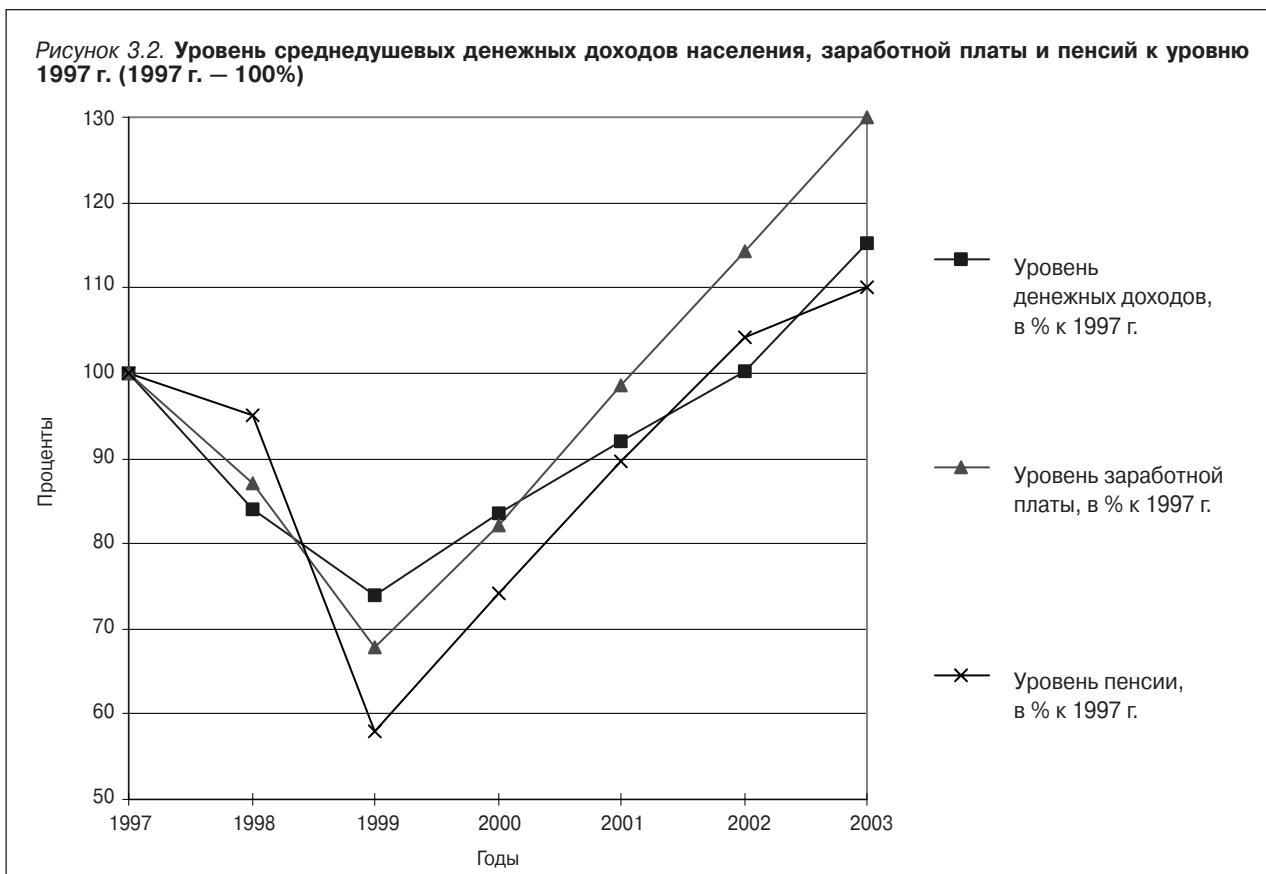

Таблица 3.1

Основные индикаторы уровня и динамики доходов населения в 1992—2003 гг.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Среднедушевые денежные доходы населения в текущих ценах, в руб./мес.	4,0	45,2	206,3	515,5	770,0	942,1	1012	1659	2281	3060	3888	5129
Среднедушевые денежные доходы населения в ценах 2001 г., в руб./мес.	2825,2	3277,2	3703,2	3110,7	3141,8	3330,3	2797,5	2461,8	2781,8	3060,0	3335,4	3819,0
Динамика реальных денежных доходов населения, в процентах к предыдущему году	52	116	113	84	101	106	84	88	113	110	109	114,5
Уровень денежных доходов к 1997 г.; (1997 г. — 100%)	84,8	98,4	111,2	93,4	94,3	100,0	84,0	73,9	83,5	91,9	100,2	114,7
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в текущих ценах, в руб.	6,0	58,7	220,4	472,4	790,2	950,2	1051,5	1522,6	2223,4	3240,4	4413,6	5512
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в ценах 2001 г., в руб.	4442,9	4460,7	4103,8	2954,8	3132,1	3288,7	2861,1	2231,7	2700,3	3240,4	3758,9	4149,8
Динамика средней начисленной заработной платы в процентах к предыдущему году	67	100,4	92	72	106	105	87	78	121	120	116	110,4
Уровень заработной платы к 1997 г. (1997 г. — 100%)	135,1	135,6	124,8	89,8	95,2	100,0	87,0	67,9	82,1	98,5	114,3	126,2
Размер средней месячной пенсии в текущих ценах, в руб.	1,6	19,9	78,5	188,1	302,2	328,1	399,0	449,0	694,3	1024,1	1379	1749
Размер средней месячной пенсии в ценах 2001 г., в руб.	1070,6	1402,4	1360,4	1101,9	1201,1	1141,0	1084,0	661,2	846,4	1024,1	1188,0	1255,7
Динамика средней начисленной месячной пенсии в процентах к предыдущему году	52	131	97	81	109	95	95	61	128	121	116	105,7
Уровень пенсии к 1997 г. (1997 г. — 100%)	93,8	122,9	119,2	96,6	105,3	100,0	95,0	58,0	74,2	89,8	104,1	110,0
Минимальный размер месячной оплаты труда (на 1 января)	0,2	0,9	14,6	20,5	63,3	83,5	83,5	83,5	83,5	200,0	300,0	450,0
Минимальный размер месячной пенсии по старости с учетом компенсации	1,1	26,3	40,7	89,6	190,4	222,0	234,2	290,3	427,8	474,1	н/д	н/д
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года в %, (до 1996 г. в разгах)	26,1	9,4	3,2	2,3	121,8	111,0	184,4	136,5	120,2	118,6	115,1	112,0
ВВП в сопоставимых ценах, в % к предыдущ. году	85,5	91,3	87,3	95,9	96,6	100,9	95,1	105,4	109,0	105,0	104,3	106,7

Примечания:

Доходы/зарплаты/пенсии представлены с учетом деноминации 1998 г.;

В 2003 г. средний размер назначенных пенсий дан за октябрь 2003 г., динамика — октябрь 2003 г. к октябрю 2002 г.;

Величина прожиточного минимума в 2003 г. дана за 3-й квартал;

МРОТ в 1992 г. дан за декабрь 1991 г.; в 1993 г. за декабрь 1992 г.;

МРОТ с 1 октября 2003 г. составляет 600 руб./мес.;

Минимальный размер средней месячной пенсии в 1992 — 2001 гг. дан как средневзвешенный за год;

Темпы роста ВВП в 2003 г.: январь-сентябрь 2003 г. к январю-сентябрю 2002 г.

Таблица 3.2

Индикаторы доходной дифференциации в 1992–2003 гг.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Коэффициент Джини	0,289	0,398	0,409	0,381	0,387	0,401	0,399	0,4	0,399	0,396	0,398	0,402
Коэффициент фондов	8	11,2	15,1	13,5	13	13,5	13,8	14	13,8	13,8	14	14,4
Уровень бедности	33,5	31,5	22,4	24,7	22	20,7	23,3	28,4	29,1	27,6	25	21,9
Квинтильные распределения доходов												
1-я с наименьшими доходами	6	5,8	5,3	5,5	6,2	5,9	6	6,1	6	5,9	5,6	5,6
2-я	11,6	11,1	10,2	10,2	10,7	10,2	10,4	10,4	10,4	10,4	10,4	10,3
3-я	17,6	16,7	15,2	15	15,1	14,8	14,8	14,7	14,8	15	15,4	15,3
4-я	26,5	24,8	23	22,4	21,6	21,6	21,2	20,9	21,2	21,7	22,8	22,7
5-я с наибольшими доходами	38,3	41,6	46,3	46,9	46,4	47,5	47,6	47,9	47,6	47	45,8	46,1

Примечания:

Уровень бедности в 2003 г. дан за 3-й квартал;

Коэффициент Джини, коэффициент фондов и распределение денежных доходов по 20-ти процентным группам приведены за период январь — сентябрь 2003 г.

Во-вторых, как показывает мировой опыт, экономический рост часто сопровождается ростом доходной дифференциации. Как же выглядит динамика доходов населения России в контексте выделенных выше страт — низшие, средние, ниже среднего?

Материальное положение первой группы (низших и бедных) в значительной мере зависит от усилий правительства и социальных программ. В своем большинстве эти люди относятся к традиционно бедным категориям (пенсионеры, безработные, многодетные семьи, инвалиды и пр.), материальное положение которых в основном определяется мощностью государственных финансов и системы социальной защиты. В то же время существует относительно новая категория бедных — так называемые «работающие бедные», занятые главным образом в бюджетных секторах экономики, а также в депрессивных отраслях с абсолютно низким уровнем заработной платы, которая даже если и превышает прожиточный минимум, то никак не покрывает даже витальные потребности семьи. Рост доходов данной социальной группы — результат прямого государственного регулирования, осуществляемого посредством механизма индексаций минимальных пенсий, оплаты труда и размера пособий.

Средние классы в своей массе включены в относительно эффективные экономические сектора. Это работники, занятые в основном в так называемом вторичном экономическом

секторе — в организациях и компаниях, занимающихся внешнеэкономическими операциями, общей коммерческой деятельностью по обеспечению функционирования рынка, в банковской сфере, в области финансов, кредита и страхования. Лидеры по уровню заработной платы в реальном экономическом секторе — отрасли топливно-энергетического комплекса (главным образом, разумеется, нефтедобывающая и газовая промышленность), цветная металлургия, строительство и транспорт. Именно эти сектора ощутили реальные результаты экономического роста и отреагировали, в частности, повышением доходов и оплаты своих работников.

Другими словами, экономическое оживление — явление не тотальное, а локальное, и фокусируется в отдельных взятых секторах, отраслях, регионах. Речь, следовательно, идет о том, что экономический рост прямо коснулся только этого сегмента рынка вообще и рынка труда в частности. Об этом свидетельствуют, например, индикаторы доходной дифференциации (Таблица 3.2). Именно в 2003 г. — первом году реального роста доходов населения — произошло заметное сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (с 25% в 2002 г. до 21,9% в 2003 г.), но одновременно индикаторы доходного неравенства приблизились к уровням неблагополучных 1997–1999 гг., когда они достигали максимального значения: индекс Жи-

Экономический подход к определению среднего класса базируется на оценке материальных активов (доходы, потребительские расходы и поведение) и по сути дела отождествляет средний класс со среднеобеспеченными группами населения.

ни составил 0,402 и практически совпал со значением 0,401 в 1997 г., а фондовое соотношение составило 14,4 раз, что даже превышает наибольшую отметку 14 раз, достигнутую в 1999 г⁴.

Что же касается наиболее проблемной социальной страты (70-процентной группы «ниже среднего»), то она оказывается вне зон действия обоих механизмов повышения доходов — экономического и социального. До этой группы импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от государственной политики регулирования доходов населения, либо не доходят вообще, либо доходят в ослабленном и усеченном виде.

Следовательно, каждая политическая парадигма «работает» лишь на своем полюсном участке: политика прямого регулирования доходов достигает некоторого результата в зоне бедности, экономический рост способствует укреплению материального положения наиболее обеспеченных доходных групп. «Середина» оказывается наиболее уязвимым звеном и превращается в самую проблемную зону.

Итак, российский опыт последних трех лет подтверждает рост дифференциации доходов населения на волне экономического роста. Однако его особенность состоит в том, что самой проигрывающей группой становятся не беднейшие (нижние классы), а группа, занимающая промежуточное положение в социальной структуре (группа ниже среднего).

Это, в свою очередь, означает опасность консервации существующей социальной пирамиды:

1. средние классы как наиболее успешная социальная группа получают возможность укреплять свое социально-экономическое положение и наращивать доходы, но эти страты не будут расти в количественном выражении;

2. зона бедности будет иметь слабую тенденцию к сокращению, но, по видимому, сохранит свои значительные масштабы;

3. группа «ниже среднего» по-прежнему останется базовой социальной группой без четко очерченных перспектив вертикальной мобильности и выраженными рисками перемещения в зону бедности в случае негативных

изменений общей экономической конъюнктуры.

В контексте настоящего доклада особо следует остановиться на критерии социально-профессионального статуса. Его базовым параметром служит высшее образование. Между тем, речь идет о самом факте его наличия, но не о его качестве, поскольку последнее не имеет сколько-нибудь четкой методологии определения и измерения. Существенной также является связь доступности образования с социально-экономической дифференциацией и доходами (См. Вставку 3.1).

Средние классы в современной России

В мире средние классы представляют собой важнейшую социальную силу в движении к обществу, основанному на знаниях. Поэтому успешное формирование этого класса, развитие его человеческого потенциала является одной из первоочередных предпосылок перехода России к новому типу общества.

Проблема среднего класса в современной России относится к числу остро дискуссионных вопросов. Это неудивительно. Факт формирования среднего класса можно было бы рассматривать в качестве важного свидетельства и даже критерия эффективности реформ, который указывает на прочность всей системы экономических, социальных и политических институтов. И наоборот, отсутствие среднего класса можно было бы воспринимать как символ неудачи социально-экономических преобразований в России⁵.

Экономический подход к определению среднего класса базируется на оценке материальных активов (доходы, потребительские расходы и поведение) и по сути дела отождествляет средний класс со среднеобеспеченными группами населения.

Социология оперирует двумя подходами к дефиниции среднего класса. Общая идея первого подхода базируется на анализе социально-профессионального статуса людей. Она заключается в том, что к среднему классу относятся высокообразованные и экономически активные члены общества, не занимающие при этом высших

Доступность высшего образования и его качество

В российской системе высшего образования сформировались две подсистемы: одна — элитного образования, характеризующегося высоким качеством предоставляемых услуг, и другая — массового высшего образования невысокого качества. Высшее образование низкого качества можно с некоторыми допущениями назвать относительно доступным. Возможности же получения образования, обеспечивающего высокое качество профессиональной подготовки будущих специалистов, по-видимому, сократились для большей части населения. Разные граждане и разные социальные группы имеют неодинаковые возможности получения высшего образования.

Дифференциация в доступности высшего образования определяется различиями между людьми по целому ряду характеристик, к числу которых относятся:

- уровень способностей;
- качество полученного общего образования;
- объем и качество полученных дополнительных образовательных услуг (дополнительные предметы в школах, курсы для подготовки в вуз, услуги репетиторов и т.п.);
- уровень информированности о возможностях обучения по различным специальностям в различных вузах;
- физические возможности (например, наличие инвалидности, не влияющей на способность к усвоению знаний, но ограничивающей возможность участия в учебном процессе);
- состав семьи, уровень образования и социальный капитал ее членов;
- экономическое благосостояние семьи (уровень доходов и др.);
- место жительства;
- другие факторы.

Факторы социально-экономической дифференциации весьма существенно ограничивают для широких слоев населения доступность вузов, особенно учреждений, предоставляющих образовательные услуги высокого качества. При этом наибольшие ограничения возникают в связи с различиями в:

1. уровне доходов домохозяйств: наихудшими возможностями поступления в вузы обладают члены малообеспеченных семей;
2. месте проживания: в самом худшем положении оказываются жители сельской местности и малых городов, а также жители депрессивных регионов; на доступность высшего образования оказывает влияние и дифференциация регионов по обеспеченности вузами;
3. уровне полученного общего среднего образования: наблюдается дифференциация школ по качеству обучения, при этом снижение уровня подготовки в одних сочетается с наличием ограниченного числа «элитных» школ, качество подготовки выпускников которых растет.

Уровень семейных доходов оказывает влияние на доступность высшего образования как прямо, определяя возможности

оплаты собственно обучения, так и косвенно. Косвенное влияние связано, во-первых, с возможностями осуществления, помимо собственно затрат на обучение, расходов на проезд к месту обучения для иногородних, издержек на обеспечение жизнедеятельности студента во время обучения — затрат на жилье, питание и т.п.. Во-вторых, это влияние выражается в зависимости между уровнем благосостояния семьи и социальным и человеческим капиталами, которые передаются по наследству и выступают факторами дифференциации доступа к высшему образованию.

К числу социально ущемленных в возможностях получения высшего образования можно предположительно отнести следующие категории лиц:

- выпускники сельских школ;
- выпускники «слабых» школ в разных населенных пунктах;
- жители отдаленных населенных пунктов и регионов;
- жители регионов со слабой образовательной инфраструктурой;
- жители депрессивных регионов;
- члены бедных семей;
- члены неполных семей;
- члены социально неблагополучных семей;
- беспризорные дети;
- выпускники детских домов.
- инвалиды;
- мигранты;
- представители национальных и религиозных меньшинств.

Девальвация высшего образования как средства получения профессиональных знаний, необходимых для жизненного успеха, начала проявляться еще в советское время. Некоторые современные тенденции развития отечественной системы высшего образования (такие, как быстрое развитие заочного обучения, а также рост числа филиалов и платных отделений вузов, предоставляющих образовательные услуги по низким ценам) и отмечаемый в социологических исследованиях рост потребности в более чем одном высшем образовании могут рассматриваться как свидетельства расширения масштабов предоставления услуг высшего образования, имеющих невысокое качество.

Развитие системы низкокачественного образования не будет в перспективе способствовать ослаблению препятствий для социальной мобильности и смягчению социальной дифференциации в обществе. Ценность такого «статусного высшего образования» будет девальвироваться одновременно с его «массовизацией», поскольку выявится, что полученный статус «человека с дипломом» не подкреплен соответствующими социальными и профессиональными знаниями и навыками. Ожидания потребителей в результате окажутся несостоятельными, что вызовет нарастание социального недовольства и претензий к системе высшего образования.

Источник: «Проблемы доступности высшего образования». НИСП, 2003.

должностных позиций⁶. Характеристиками принадлежности к среднему классу, таким образом, выступают следующие социально-профессиональные параметры: (1) наличие высшего образования; (2) наличие регулярной занятости; (3) нефизический характер труда; (4) наличие управленческих позиций. Очевидно, что наличие высшего образования является базовым элементом данного подхода.

Другой подход к выделению тех или иных социальных страт, сформировавшийся в рамках современной социологии и выступающий в качестве базовой теории социальной стратификации, основан на так называемой самоидентификации — субъективной самооценке человека своего социального положения. Этот подход дает возможность выделения «субъективного» среднего класса⁷.

Очевидно, что каждая из этих дефиниций, с одной стороны, опирается на важнейшие критерии, которые действительно определяют экономическое и социальное положение населения, но, с другой стороны, страдают односторонностью и ограниченностью. Например, в самоидентификационной концепции отнесение респондентом себя к средним позициям идентификационной шкалы нельзя однозначно рассматривать как принадлежность к среднему классу: в значительной степени это лишь отражение представлений респондента о современном обществе и своем положении в нем относительно других социальных групп.

В итоге суть выделения среднего класса в обществе на этапе трансформации заключается в следующих положениях:

(1) Средние классы не могут быть описаны одним интегральным критериальным признаком. Средние классы — социальная совокупность, характеризующаяся цепочкой признаков, к которым относятся:

- *материальные ресурсные признаки* — уровень доходов (расходов, потребления); объем накопленных сбережений; уровень имущественной обеспеченности;
- *нематериальные ресурсные признаки* — уровень образования, профессионально-квалификационная позиция, должностная позиция;
- *признаки социального самочувствия (самоидентификация)* — стратегии успешного экономического поведения; самооценки успешности адаптации к новым экономическим условиям; самооценки комфортности нынешней жизни и пр.

(2) Социальные группы, составляющие средний класс, характеризуются разным уровнем концентрации признаков. В соответствии с этой гипотезой средние классы могут быть стратифицированы по уровню концентрации доминантных признаков.

Как показывает репрезентативное исследование, охватившее 5 тыс. российских домохозяйств, которые представляют 12 регионов России⁸, с точки зрения социально-профессиональных позиций к среднему классу относятся 21,9% домохозяйств, по материальному положению — 21,2%, а по самоидентификационным оценкам — 39,5%.

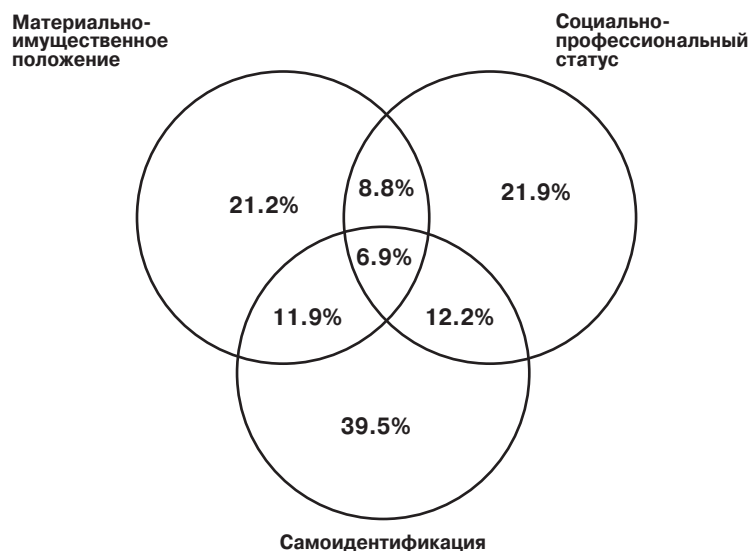
На пересечении этих признаков находится около 7% российских домохозяйств, то есть это семьи, обладающие всеми базовыми характеристиками среднего класса. Это бесспорный и наиболее стабильный средний класс, так называемое «ядро средних классов». Вместе с тем существует большая группа домохозяйств, обладающих только двумя критериальными признаками среднего класса, которая по большинству характеристик весьма близка к ядру (так называемое «полуядро среднего класса») (Таблица 3.3 и Рисунок 3.3).

Таблица 3.3

Структура полуядра средних классов

Сочетание критериев	Доля домохозяйств, в %
Материально-имущественное положение — Социально-профессиональный статус	8,8
Материально-имущественное положение — Самоидентификация	11,9
Социально-профессиональный статус — Самоидентификация	12,2

Рисунок 3.3. Средние классы — эмпирическая структура

Ее нельзя не принимать во внимание, особенно с точки зрения перспектив расширения среднего класса и оценки условий, при которых в него могут влиться новые социальные слои. Двумя (любыми) признаками среднего класса обладают около 12% российских семей. В результате обобщенный средний класс в современной России можно оценить в 19% от общего числа семей.

С другой стороны, тот факт, что лишь немногим более 50% российских домохозяйств обладают разными базовыми характеристиками, присущими среднему классу, не дает оснований и для излишнего оптимизма. Ведь по существу полученная конфигурация средних классов означает следующее. Общепринятой или, по меньшей мере, доминирующей, является точка зрения, что причиной резкого сокращения численности среднего класса в России стало драматическое падение доходов и качества жизни населения, которое привнесли экономические реформы начала 1990-х гг. Подтверждая, что дефицитность этого ресурса действительно существенна, обратим все же внимание, что это отнюдь не единственная причина. Не менее значимым является факт, что социально-профессиональные параметры среднего класса отнюдь не так распространены, как это следует из часто повторяемого утверждения, что Россия — страна с высокообразованным населением. Дефицитны оказались и наличие высшего образования, и, по-видимому, его качество, раз оно не дает возможностей найти высокооплачиваемую и престижную работу. В частности, весомая группа домохозяйств (21%) с довольно благополучным материальным положением и высокими самоидентификационными характеристиками тем не менее не может войти в обобщенный средний класс по той причине, что профессиональный статус его членов не просто не отвечает уровню, присущему средним классам, но оценивается как низшее. И этот сегмент значительно больше, чем «потери», вызванные недостаточностью других критериев признаков — материального положения (7,1%) и самоидентификации (3,3%).

Подтверждается, пожалуй, лишь социальный феномен, и ранее отмечавшийся российскими социологами: «субъективный» средний класс значительно превышает масштабы среднего класса «объективного», измеряемого уровнем благосостояния и социально-профессиональными характеристиками.

Оценим потенциал среднего класса. В группе «ниже среднего» существуют сегменты, принципиально различающиеся с точки зрения шансов на перемещение в этот страт. Сегодняшние исследования показывают, что из данной группы, включающей 70% российских домохозяйств, у 33% домохозяйств шансов перейти в средний класс больше, у 37% — меньше. Таким образом, 50% — это максимальная оценка потенциала среднего класса в обозримой перспективе при условии успешного социально-экономического развития страны.

Эмпирические измерения дают основания для большого числа нетривиальных обобщений:

- Лишь немногим более трети домохозяйств (8,8% из 21,9%), обладающих набором признаков среднего класса с профессионально-социальной точки зрения, имеют удовлетворительное материальное положение. В упрощенных терминах это означает, что лишь треть образованных научилась зарабатывать.
- С другой стороны, не более трети российских семей с достатком (8,8% из 21,2%) имеют достаточно сильные профессиональные позиции. Опять же упрощая, можно сказать, что только треть умеющих зарабатывать, достаточно образованы.
- Чуть более половины среднеобеспеченных семей (11,9% из 21,2%) относят себя к средним классам. Таким образом, материальный достаток далеко не для всех является гарантией высокой социальной самооценки.
- Меньше трети семей (11,9% из 39,5%), субъективно относящих себя к средним классам, имеют на то объективные основания, если судить по уровню их материального положения. Иначе

говоря, субъективный средний класс значительно шире средне-обеспеченных групп населения.

- Также немногим более половины домохозяйств (12,2% из 21,9%) с социально-профессиональными характеристиками, присущими среднему классу, уверенно относят себя к таковому. Тем самым, образование и профессия не всегда являются основанием для высокой самооценки.
- Менее трети «субъективных» средних классов (12,2% из 39,5%) объективно таковыми являются с социально-профессиональных позиций. Другими словами, субъективный средний класс существенно превосходит по размеру социально-профессиональный средний класс.

Все вместе это говорит о высокой несогласованности и разнонаправленности критериев, по которым идентифицируются российские средние классы, что в свою очередь, свидетельствует о крайней незрелости социаль-

но-экономической структуры как самих средних классов, так и общества в целом. Действительно, общество, где лишь треть образованных научилась зарабатывать и, наоборот, только треть умеющих зарабатывать достаточно образованы, далеко отстоит от идеалов стабильного и экономически эффективного социума, основанного на знаниях, где наличие высшего образования служит достаточно прочной гарантией занятости и относительно высоких доходов, что, в свою очередь, автоматически ведет к высокой самооценке своего социального положения. Ярко выраженная рассогласованность, «размытость» и разнонаправленность базовых социально-экономических характеристик среднего класса, которые в идеале должны были действовать одновременно и в этом случае выступали бы гарантией формирования не только массового, но и стабильного среднего класса, — вот, пожалуй, главный вывод, который следует из эмпирических измерений средних классов в России.

* * *

На основе анализа процессов доходной и социальной дифференциации в стране можно сделать следующие выводы:

- Экономический рост, наблюдаемый в течение последних четырех лет, с одной стороны, сопровождается устойчивым ростом реальных доходов населения, однако, с другой, приводит к росту доходного неравенства, которое проявляется: (а) в приращении доходов среднего класса как естественной реакции развивающихся экономических секторов на благоприятную экономическую конъюнктуру и (б) слабом сокращении зоны бедности как результате действия государственных социальных программ. На доходы абсолютно большей части населения, сосредоточенного в группе «ниже среднего», экономический рост не оказывает прямого влияния.

- Социально-экономическое положение населения зависит не только от доходных и потребительских характеристик, но и описывается целой цепочкой параметров: материальные ресурсные признаки; нематериальные ресурсные признаки; признаки социального самочувствия (самоидентификация).
- В российской ситуации на этапе трансформации эти факторы действовали разнонаправленно и рассогласованно. В частности, наличие высшего образования не является гарантией относительно высоких доходов и, как следствие, приводит к негативным и неустойчивым оценкам с точки зрения самоидентификации населения.
- Утверждение, что в современной России сложилось и успешно развивается общество, основанное на знаниях, было бы преж-

двух временным. Социум, в котором наличие высшего образования не выступает гарантией конкурентоспособности на рынке труда и материального благополучия, далеко отстоит от идеалов современного инновационного общества.

- Очевидно и другое: именно качественное образование и ин-

новационность в современных условиях являются механизмами восходящей вертикальной мобильности и движения вверх по социальной лестнице. Тем самым успех социального развития России зависит от того, насколько успешен будет ее путь к формированию экономики знаний.

¹ Численность работников по найму равна численности всех занятых на предприятиях и организациях за вычетом числа работодателей-собственников, которые составляют примерно 1% от всех занятых в экономике, и эта доля является достаточно стабильной. См. «Обзор занятости в России: выпуск 1 (1991-2000гг.)». М., ТЕИС, 2000, стр. 69.

² Обследование населения, по результатам которого выстроена стратификационная структура, проводилось в ноябре-декабре 2000 г.

³ В терминах западной методологии эту группу уместно назвать *lower middle*.

⁴ Строго говоря, деление населения на квинтильные (20-процентные) группы (см. Таблицу 3.2) не вполне совпадает с использованной выше методологией социальной стратификации, в основу которой наряду с уровнем доходов положен целый набор других факторов, причем характеризующих не только материальные активы, но и нематериальные ресурсные характеристики — уровень образования, положение на рынке труда, социальный статус. Однако на эмпирическом уровне высшая 20-процентная доходная группа на 70% совпадает с обобщенным средним классом, а низшие классы полностью входят в состав низшей 20-процентной группы. Следовательно, несмотря на отмеченные методические различия общие выводы относительно неоднородной динамики доходов населения сохраняют силу.

⁵ Сам термин «средний класс» для российской социологической науки не является каноническим. Категории, используемые сегодня российскими исследователями для идентификации среднего класса, весьма разнообразны: «средний класс», «средняя страта», «среднее сословие», «средний слой»

(разновидность — «средние слои»). Появившийся с легкой руки М. Вебера, считающегося «отцом» термина и родоначальником теорий среднего класса, в России в период социалистического строительства по вполне очевидным причинам этот термин критиковался и отвергался. Вместо него появился термин «средние слои», определяемый в духе классового подхода. В эпоху «перестройки» с термином «средний класс» уже не воюют — его просто не упоминают. И лишь в последние 5 лет термин «средние классы» прочно вошел и в общественное сознание, и в научный оборот, хотя по-прежнему не имеет четкого определения и методологии исследования.

⁶ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5, С. 147—156. Об операционализации данного подхода см.: Радаев В.В. Стратификационный анализ постсоветской России: неовеберовский подход / Бутенко И.А. (отв. ред.). Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. Выпуск XI, М. Московский общественный научный фонд, 1999, с. 46—59.

⁷ Л. Хахулина. Субъективный средний класс: доход, материальная обеспеченность, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены. М., 1999. № 2; Ю. Левада. Средний человек: фикция или реальность? // Экономические и социальные перемены. М., 1997. №2.

⁸ «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии». Авторский коллектив: Аврамова Е. М., Малеева Т. М. (руководитель), Михайлюк М. В., Ниворожкина Л. И., Овсянников А. А., Овчарова Л. Н., Радаев В. В., Рощина Я. М., Сурков С. В., Фирсова Н. Ю. Московский центр Карнеги. М., Гендальф, 2002